

Духъ возстанія¹.

Въ жизни человѣчества бываютъ эпохи, когда революція становится насущной необходимостью, когда она неизбежна. Новыя идеи нарождаются съ каждымъ днемъ, стремятся проявиться и найти себѣ примѣненіе въ жизни, но онѣ на каждомъ шагу сталкиваются съ инертностью защитниковъ стараго режима и гаснутъ въ удушливой атмосферѣ старыхъ предрасудковъ и традицій прошлаго. Принятыя въ нашемъ обществѣ взгляды на политическій строй Государствъ, на законы соціального равновѣсія, на политическія и экономическія взаимоотношенія гражданъ не выдерживаютъ никакой критики; они разбиваются каждый день, при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ въ тру-

¹ Мое пониманіе великой французской революціи рѣзко отличается отъ пониманія официальнаго. Для историковъ, преклоняющихся передъ буржуазіей, великая драма разыгралась почти цѣликомъ въ большихъ городахъ, главнымъ образомъ, на парламентской аренѣ. Населеніе деревень подымается, правда, на нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ Парижъ далъ ему первый сигналъ взятіемъ Бастиліи; оно сжигаетъ дворцы аристократовъ, и этимъ все кончается. Были, конечно, и послѣ того возстанія, но имъ нельзя придавать значенія, такъ какъ они производились „разбойниками“, подкупленными контръ-революціей. Могли ли честные республиканцы, патріоты, поддерживать безпорядокъ, когда „великіе принципы 1789 года“ были уже провозглашены, и Революція вступила на вѣрный путь благодаря Учредительному Собранію, Законодательному Собранію и Конвенту! По моему, наоборотъ, возстанія крестьянъ въ деревняхъ и бѣдняковъ въ городахъ усиливаются съ 1788 года. Они становятся болѣе многочисленными въ деревняхъ и направляются на уничтоженіе феодальныхъ правъ съ первыхъ же мѣсяцевъ 1789 года; продолжаются они непрерывно до 1793 года. Если буржуазія поражала своей смѣлостью въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ 1789 года, если 4-го августа аристократія продѣлала красивую комедію „принесенія въ жертву своихъ правъ на алтарь отечества“, — это объясняется тѣмъ, что съ февраля вся Франція была объята возстаніемъ: крестьянское населеніе не платило податей и подымалось противъ сеньоровъ; городскіе бѣдняки, „la canaille des grandes villes“, были уже готовы къ окончательному взрыву. Возстаніе въ Парижѣ, отъ 11 до 14 іюля 1789 года, возстаніе въ Страсбургѣ и другихъ большихъ городахъ — не простыя возмущенія, не протесты противъ паденія Неккера: это настоящія возстанія бѣдняковъ противъ богачей, возстанія, которыми буржуазія сумѣла воспользоваться для сверженія королевской власти.

То, что происходило въ городахъ и деревняхъ въ 1789 году, продолжается въ теченіе всѣхъ четырехъ лѣтъ революціи. Безконечныя бунты въ деревняхъ, непрерывныя возстанія въ городахъ.

Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратиться къ докладу Григорія, представленному имъ въ феодальный Комитетъ въ февралѣ или январѣ 1790 года. Изъ него мы видимъ, что Жакерія сильно разрослась. Декретъ 18 іюня 1790 года доказываетъ намъ, что Жакерія неизбежно должна была продолжиться, чтобъ уничтожить выкупныя платежи и добиться возвращенія Коммунамъ земель, захваченныхъ сеньорами. Декретъ этотъ предписывалъ сохраненіе нѣкоторыхъ „dimes tant ecclésiastiques qu' inféodées“, такъ же какъ уплату „jusqu'au rachat, des champarts, terrages, agriers et autres redevances, payables en nature“, и запрещалъ въ то же время „à toutes personnes d'apporter aucun trouble aux perceptions des dimes, parts, etc., soit par des écrits, soit par des discours, soit par des menaces, a peine d'être punis corame perturbateurs du repos public“. Декретъ этотъ, изданный черезъ десять мѣсяцевъ послѣ знаменитой ночи 4 августа, почти черезъ годъ послѣ взятія Бастиліи, показываетъ намъ, что получилъ бы крестьянинъ, если бы Жакерія не продолжилась.

Вотъ почему Тэнъ, какимъ бы потокомъ грязи онъ ни обливалъ народъ, — должно быть, чтобъ отдать дань академическому стилю, — очень близокъ къ истинѣ, когда онъ упоминаетъ о пяти, шести Жакеріяхъ непрерывно слѣдующихъ одна за другой въ продолженіи Революціи. Въ сущности говоря, возстаніе крестьянъ продолжалось больше четырехъ лѣтъ, — съ 1788 до 1793 года, — до Конвента, который, признавъ факты, уже совершившіеся и обратившись къ предшествующимъ декретамъ, касающимся феодальныхъ правъ и общинныхъ земель, — постановилъ возвратитъ Коммунамъ земли, захваченныя сеньорами и предоставить ихъ крестьянамъ, какъ собственникамъ, такъ и пролетаріямъ, и уничтожилъ окончательно не только феодальныя права, но и выкупъ этихъ правъ, установленный Учредительнымъ Собраніемъ. Подобно всѣмъ Жакеріямъ, возстаніе это не было ни повсемѣстнымъ, ни непрерывнымъ. Оно то затихало, то разгоралось; потухало въ одномъ мѣстѣ, чтобы возродиться въ другомъ.

Не будь этого возстанія, поддерживаемаго возстаніями въ городахъ, Революція была бы невозможна. Не даромъ великій историкъ XVIII вѣка, Шлоссеръ, говорилъ аббату Григорію: „Какъ могъ Робеспьеръ держать всю Францію въ своихъ рукахъ!“ На это Григорій отвѣтилъ ему словами, ярко характеризующими положеніе того времени: — „Робеспьеръ! воскликнулъ онъ, да въ каждой деревнѣ былъ свой Робеспьеръ!“ Онъ долженъ былъ прибавить: — „Свой Марать, свой клубъ неистовыхъ!“

Только благодаря этому былъ положенъ конецъ неограниченной власти. Крестьяне возставали, преслѣдуя свои личныя цѣли; городскіе санкюлоты, стремясь ошупью найти путь къ лучшему будущему, свергали одно правительство за другимъ, препятствуя такимъ образомъ утвержденію сильной власти: буржуазія тѣмъ временемъ строила свою революцію на революціи народной; она свергла королевскую власть и захватила въ свои руки управленіе страной. Тѣ, которые не хотятъ согласиться, что ихъ предшественники буржуа произвели свою революцію, опираясь на народныя массы, должны были бы обратиться къ источникамъ исторіи, а не ограничиваться перепечатками изъ Монитера и Парламентской исторіи Buchez и Roux. Они поняли бы тогда, что ихъ предки, столь корректные въ исторіи официальной, не стѣснялись разсылать по деревнямъ воспаляющіе памфлеты „за печатью Національнаго Собранія“ и набирать для своихъ манифестацій участниковъ изъ посѣтителей пригородныхъ кабачковъ. Тэнъ, также не стѣнялся оскорблять тѣхъ „якобинцевъ“ (для него всѣ революціонеры были якобинцами!), которые производили выборы съ помощью дубинъ; онъ забывалъ, что только благодаря имъ, онъ теперь уже не подданный Его Величества Короля.